

Осбери Герберт

Банды Нью Йорка

УДК 820(73)
ББК 84(7Coe)
О72

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Осбери Г.

О72 Банды Нью-Йорка / Пер. с англ. Д. Лихачева. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 349 с.

ISBN 978-5-521-85430-1

Действие книги происходит в выдавшем виды трехэтажном Нью-Йорке, заполненном бандами «болотных ангелов», головорезами типа «рассветных» или уличных хулиганов, «мертвых кроликов», которые шли в бой, прибывая на концы палок свой тотем. Крысиные бега, игорные притоны, китайские опиумные курильни и их завсегдагаи, но подлинным героем преступного мира этого огромного города был Эдвард Делани — родоначальник организованной преступности, главарь банды в 1200 человек, князь гангстеров, как его называли современники.

УДК 820(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-521-85430-1

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

Посвящается Ореллу

Предисловие

МОНАХ ИСТМЕН, ТВОРЕЦ БЕЗЗАКОНИЯ

БАНДИТЫ ОДНОЙ АМЕРИКИ

На фоне синих стен или просто синего неба два бандита, затянутые в черные плащи и обутые в сапоги с высокими каблукками, кружатся в мрачном танце, танго двух неразличимых ножей, пока вдруг из-за уха одного из них не начинает капать кровь: это нож вошел в тело человека, он падает и умирает. Так заканчивается этот смертельный танец без музыки. Второй, удалившись от дел, посвящает свою старость рассказам об этой честно выигранной дуэли. Такова история преступного мира Аргентины. История же головорезов и хулиганов Нью-Йорка гораздо более динамична и менее красива.

Район Пять Точек в 1829 году

БАНДИТЫ ДРУГОЙ АМЕРИКИ

История банд Нью-Йорка, изложенная Гербертом Осбери в 1928 году в его солидной книге на четырех сотнях страниц, раскрывает всю мерзость варварского мироздания, его огромные размеры, царившие в нем беспорядок и жестокость. Действие в книге происходит в подвалах старых пивоварен, превратившихся в бараки негров и нищих ирландцев, в выдавшем виды трехэтажном Нью-Йорке, заполненном бандами негодяев вроде «болотных ангелов», которые выбирают из канализации на мародерские вылазки; головорезов типа «рассветных», вербующих в свои ряды 10—11-летних убийц; лишенных совести громил-одиночек вроде «уродских цилиндров» или уличных хулиганов вроде «мертвых кроликов», которые шли в бой, прибывая на концы палок свой тотем. Его герои — люди типа денди Джонни Долана, прославившегося своим набриолиненным чубом, носившего трости с ручкой в виде обезьяньей головы и медный коготь на большом пальце, которым он выдавливал врагу глаз, или Кита Бернса, откусывающего голову живым крысам, или Динни Лайонса, на которого работали три проститутки. Там есть ряды домов с красными фонарями, вроде тех, которые содержали семь сестер из Новой Англии, отчислявшие всю прибыль за сочельник на благотворительные цели; собачьи и крысиные бои; китайские игорные притоны и опиумные курильни; женщины вроде Рыжей Норы, в которую влюблялись все вожаки знаменитой банды «гоферов», или Голубки Лиззи, надевшей траур после убийства Дэнни Лайонса, которой перерезала глотку Нежная Мэгги, вспомнив вдруг о давнем романе Лиззи с убитым; бунты вроде того, что произошел в 1863 году, когда за неделю была сожжена сотня домов, и счастье еще, что не сгорел весь город; уличные драки, где упавшего затаптывали насмерть; конокрады и отравители лошадей, такие, как Йоске Ниггер. Величайший же герой этой уникальной книги о преступном мире Нью-Йорка — это Эдвард Делани, он же Джозеф Моррис, он же Уильям Делани, он же Джозеф Марвин, он же Монах Истмен, «князь гангстеров», как его называли современники, главарь банды в 1200 человек.

Хорхе Луис Борхес

Вступление

Эта книга не является социологическим исследованием и не предлагает рецептов решения социальных, экономических и криминологических проблем, создаваемых бандами. В ней нет модного анализа поступков гангстеров в манере «я думаю, он подумал», в ходе которого автор вводит читателя в сокровенные глубины души преступника и следит за работой его скудного мыслительного аппарата. Наоборот, это попытка проследить и отметить наиболее заметные проявления порочной активности людей, которые будоражили Нью-Йорк на протяжении почти целого столетия, достаточно сильно проявляя себя в атмосфере политической коррупции и борьбы за выживание. К счастью, сейчас эти люди исчезли из жизни великого города и уже почти десять лет существуют в основном в богатом воображении журналистов. В той или иной степени повторить их бурную деятельность не смог никто, и лишь журналисты продолжают с надеждой воскрешать их при каждом случае загадочного убийства в трущобном районе или при серебристом свете бродвейских огней. Не важно при этом, очевидна ли связь преступления с запретной торговлей спиртными напитками или наркотиками, его освещают как новое гангстерское убийство; слова и фразы, которые давно устарели и стали неупотребляемыми, вновь извлекаются на свет божий, и уже на следующее утро, затаив дыхание, народ читает, что взошла кровавая луна и надвигается новая гангстерская война.

Но ничего не случается, и не похоже, что когда-нибудь случится опять, так как сейчас в Нью-Йорке нет банд и нет гангстеров в том смысле этого слова, в котором его обычно употребляют. В свое время гангстеры процветали в условиях защиты и манипуляций со стороны нечестных политиков, которым они нужны были для фальсификации выборов, но сейчас эти времена прошли. Благодаря достижениям в социальной, экономической и

образовательной сферах социальная база для нового поколения бандитов все уменьшалась, и организованные банды были уничтожены полицией, которая всегда достигала успеха в репрессивных кампаниях, когда ей политики давали отмашку. Инспектор Александр С. Уильямс нанес первый удар по гангстерам, когда провозгласил и осуществил на практике свое знаменитое заявление — «На конце полицейской дубинки больше закона, чем в решении Верховного суда», и упадок гангстеров продолжался по мере того, как менялись к лучшему политики и возмущенная общественность больше не желала терпеть массовые драки и разборки. Банды были окончательно разгромлены, когда Джон Пуррой Митчелл был избран мэром в 1914 году, а Дуглас Мак-Кей и Артур Вудс завершили начатое, отправив в тюрьму около 300 гангстеров, в том числе многих прославленных героев преступного мира.

Правда, остались небольшие группы, которые время от времени тщетно прикрываются такими громкими именами, как «гоферы» или «гудзонские чистильщики», но они могут называться гангстерами на тех же правах, на которых вооруженный сброд может называться армией; это просто хулиганы, которые пытаются воспользоваться чьей-то былой славой. За несколько последних лет появились также некоторые объединения молодых преступников, всякие «плаксы», «сладкоежки» и другие банды, каждую из которых в газетных сообщениях называют гангстерской. Но тогда как в старые времена банды могли состоять из тысячи человек, ни одна из новых групп не насчитывала и шести, и ни одна не действовала более чем несколько месяцев, после чего их разгоняла полиция, а главари оказывались в тюрьме или на электрическом стуле. Они не имели ничего общего с такими знаменитыми бандами, как «мертвые кролики», «парни Бауэри», «истмены», «гоферы», они были больше похожи на банды профессиональных воров и грабителей банков, которые наводнили крупные города вскоре после Гражданской войны. В преступном мире такие группы даже не считаются бандами; их называют воровски-

ми шайками; члены этих шаек объединяются для серии грабежей или других преступлений и не имеют никаких обязательств и свободны от преданности своим главарям. Это примитивные убийцы и воры, но все их убийства и грабежи не имеют ничего общего с соперничеством между бандами и гангстерским правосудием. Им не хватает эффективности поступков, которая отличала гангстеров в старые времена, и, возможно, не будет хватать, пока они не отойдут в область легенд. Однако они скорее даже более опасны, если сделать скидку на численность, чем те, кто когда-то держал в страхе Бауэри, «Адскую кухню» и бывшие Пять Точек, так как большинство из них — наркоманы, а они очень раздражительны и легко возбудимы.

Гангстер, чья власть закончилась с убийством Кида Дроппера, был в первую очередь продуктом своей среды, бедности и ущербного воспитания; само общество толкнуло его к этой жизни, а коррупция и все сопутствующее этому зло негативно влияло на его взросление. Как правило, он начинал как член подростковой банды, со временем пополняя ряды взрослых гангстеров. Так он достигал зрелости без малейшего представления о добре и зле, с презрением к честному труду, которое доходило фактически до отвращения, и с подлинным восхищением перед людьми, которые могут получить почти все даром. Более того, единственное спасение от нищеты он видит в постоянном возбуждении и не может придумать другого пристанища для своего мятежного духа, кроме секса и драки. И многие молодые люди становились гангстерами только из-за сокрушающего желания превзойти подвиги выдающихся главарей преступного мира либо мечтая о славе или хотя бы известности, достичь которых можно было, став жестоким, безжалостным человеком и отъявленным негодяем.

Основное кредо гангстера, как, впрочем, и любого другого представителя криминального мира, заключается в том, что человеку принадлежит все только до тех пор, пока он может это удержать, и тот, кто это у него отнимет, не сделает ничего дурного, а просто докажет свою сообрази-

тельность. По большей части в старые времена гангстеры были смелыми людьми, но их смелость являлась на самом деле лишь тупым, невежественным, недостаточно сознательным отношением к тому, что готовила им судьба. Стоит отметить, что гангстеры неизменно становились первоклассными солдатами, так как их воображения не хватало на то, чтобы хотя бы представить страдания, которые они или их жертвы будут терпеть от пули или удара ножа. Жестокость гангстера и его бесчувственность в полной мере проявились в одном поступке Монаха Истмена, когда этот прославленный убийца был вышибалой в танцевальном зале в начале своей карьеры. Истмен охранял покой заведения с большой дубиной, на которой он нарезал метку каждый раз, когда умирал буйного посетителя. В один из вечеров он подошел к безобидному пожилому человеку, который пил пиво, и сильным ударом расколол тому череп. В ответ на вопрос, почему он напал на человека без всякой причины, Истмен ответил: «Ну, на моей дубинке было 49 насечек, а мне хотелось, чтобы их стало ровно 50».

Разумеется, встречались исключения, поскольку некоторые главари банд вышли из хороших семей и были так же умны, как и хитры, а некоторые из них покидали преступный мир и преуспевали на более уважаемом поприще. Но в основном гангстеры были тупыми хулиганами, рожденными в разврате и нищете и воспитанными среди порока и коррупции. Их жизнь отразила их предопределение.

Г.О.

*Нью-Йорк,
5 января 1928 года*

■ Глава 1 ■

КОЛЫБЕЛЬ БАНД

1

Первые банды, терроризировавшие Нью-Йорк почти сто лет, рождались в мрачных многоквартирных домах, которые незаконно строились в отравленных миазмами окрестностях района, называемого Пять Точек, в бывшем кровавом Шестом административном округе. Этот район приблизительно охватывал территорию, прилегающую к Бродвею, Кэнэл-стрит, Бауэри и Парк-роу. В старом квартале Пять Точек теперь расположены три главных городских органа отправления правосудия — тюрьма Томбс, здание уголовного суда и новое здание местного суда. Но в колониальные времена и в первые годы республики, когда негритянское кладбище на Бродвее и Чемберс-стрит находилось на окраине города, а нынешний театральный район площади Таймс был унылой пустыней, по которой бродили дикие индейцы, это была в основном болотистая земля, окружающая огромное озеро, которое англичане называли Чистоводьем, а голландцы — Шеллпойнт или Калчхук. Позднее озеро стало известно как Коллект и под этим названием появилось на старинных картах. Оно занимало область, сейчас граничащую с улицами Уайт, Леопард, Лафайет и Малберри, большую часть которой занимают теперь Томбс и здание уголовного суда. Первоначальное здание тюрьмы было возведено в 1838 году, и, хотя она официально называлась Домом правосудия, в народе ее прозвали Томбс — «гробница», так как план здания был сри-

сован с египетской гробницы, рисунок и описание которой содержались в книге «Путешествия Стивенса» Джона Л. Стивенса.

В центре Коллекта располагался маленький остров, который часто использовался как место для казней или других судебных наказаний. Именно там было повешено, сожжено на костре или переломано на колесе множество негров после заговора рабов в 1741 году, когда черные поднялись против своих законных хозяев и попытались сжечь и ограбить город¹.

Позднее остров стал местом хранения пороха и получил название Мэгэзин-Айленд.

Главный отток из озера находился в северной части, около того места, где сейчас пересекаются Уайт-стрит и Центральная, затем уходил на северо-запад, следуя вдоль современной линии Кэнэл-стрит к реке Гудзон. Много лет назад, когда еще стояли частоколы, построенные вдоль южного конца Манхэттена для защиты от индейцев, над рекой был возведен небольшой каменный мост, соединяющий Бродвей и Кэнэл-стрит.

Этот мост построили для смелых экспедиций в дикие земли Гарлема и верхнего конца острова. В 1796 году Джон Фитч плывал по озеру Коллект на одном из первых экспериментальных пароходов, за 11 лет до того, как Клермон славно пронесся по водам Гудзона. Судно Фитча было обыкновенным ялом, длиной в 18 футов и шириной в 7 футов, на котором имелся простейший паровой двигатель. Его пассажирами были Роберт Фултон, канцлер Роберт Р. Ливингстон и 16-летний Джон Хатчингс, который стоял на корме и направлял судно при помощи весла.

В водах Коллекта в изобилии водилась рыба, и поскольку индейцы были выдворены отсюда и переселены

¹ Подробный отчет об этом мятеже, похожих восстаниях 1712 года и «докторском бунте» 1788-го можно найти в книге Хэдли «Очерки о великих восстаниях». «Докторский бунт» вырос из разграбления могил студентами-медиками. Большинство медиков были высланы из города, на несколько дней была вооружена милиция, а барон Стеубен и Джон Джар были ранены при попытке разогнать толпу. Это произошло еще до появления банд, и преступный мир не был связан с этими мятежами. (Примеч. авт.)